

11. Green S.J. Building Hypertext Links by Computing Semantic Similarity Stephen J. Green // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. – 1999. – Vol. 11.– № 5. – P. 713–780.

Федотова О. С.
Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина

ИНТРОСПЕКЦИЯ КАК ФУНКЦИЯ ФИКСАЦИИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ПЕРСОНАЖА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Интроспекция – это внутреннее ментальное, эмоциональное и физическое состояние персонажа, фиксируемое им самим. Актуальность исследования интроспекции определяется тем фактом, что благодаря изучению интроспекции человека, отраженной в тексте, можно более глубоко проникнуть в его внутренний мир, в его взаимоотношения с другими людьми, понять его отношение к окружающей действительности.

Целью данной *статьи* является описание функции фиксации персонажем впечатлений от окружающей действительности, которая может быть представлена несколькими более частными случаями в зависимости от того, какие именно впечатления фиксирует персонаж.

Персонажам художественного произведения и человеку вообще свойственно оценочное восприятие окружающих людей и окружающей действительности. У каждого героя художественного произведения существует свой взгляд на мир, своё видение действительности. Именно это наделяет каждого персонажа неповторимостью и индивидуальностью. Совокупность ценностей, которых придерживаются герои, влияют на их поступки, образ жизни, взаимоотношения с другими людьми.

Герои художественных произведений хранят в памяти образы других людей, а именно определённые моменты, которые особенно запоминаются, могут послужить уроком для героя в будущем. Читателю бывает интересно проследить, как влияют подобные образы на ощущения и восприятия персонажей, как отражаются их контакты в прошлом в жизни героя в настоящем. Очень часто образ другого человека может в корне изменить мировосприятия персонажа, что мы можем наблюдать в следующем внутреннем монологе:

(1) ...What incredible power of identification the girl had, she was like the eager watcher of a marionette show, anticipating each flicker of an eyelid, each gesture of his hand, each flick of a finger, the moment before it began. How long had they walked together? Three minutes? Five? Yet how large that time seemed now. How immense a figure she was on the stage before him; what a shadow she threw on the wall with her slender body! He felt that if his eyes itched, she might blink. And if the muscles of his jaws stretched imperceptibly, she would yawn long before he would [3, 8].

В контексте (1) автор обращается к образности для раскрытия уникальной натуры девушки: *she was like the eager watcher of a marionette show*. Подобное сравнение со зрителем шоу марионеток рисует легко декодируемую картину. На наш взгляд, автор пытается подчеркнуть, что героиня настолько тонко чувствует окружающих её людей, что участвует в каждом их движении, предугадывает

малейшие изменения: *anticipating each flicker of an eyelid, each gesture of his hand, each flick of a finger, the moment before it began*. Гипербола *Three minutes? Five? Yet how large that time seemed now. How immense a figure she was on the stage before him; what a shadow she threw on the wall with her slender body!* отражает, насколько важной была их встреча для персонажа. За несколько минут она перевернула весь его внутренний мир, заставила по-новому относиться к окружающей действительности и к людям. Он понял, что есть человек, который видит его насквозь и чувствует малейшие изменения в его сознании (*He felt that if his eyes itched, she might blink. And if the muscles of his jaws stretched imperceptibly, she would yawn long before he would*).

В контексте (2) персонаж старается понять, что стоит за окружающими его ликами святых:

(2) *The faces of those enameled creatures meant nothing to him, though he talked to them and stood in that church for a long time, trying to be of that religion, trying to know what that religion was, trying to get enough of the raw incense and special dust of the place into his lungs and thus into his blood to feel touched and concerned by the meaning of the colourful men and women with the porcelain eyes and the blood-ruby lips. But there was nothing, nothing; it was a stroll through another store, and his currency strange and unusable there, and his passion cold, even when he touched the wood and plaster and clay [3, 72].*

Монтаг сравнивает лица стоящих около него женщин с покрытыми эмалью лицами святых в церкви, которые оставляли его полностью равнодушным. Он пытался понять религию, постичь её смысл, но всё безрезультатно. Множество эпитетов показывают, что умом герой только фиксирует внешние характеристики окружающих его объектов: *trying to get enough of the raw incense and special dust of the place into his lungs and thus into his blood to feel touched and concerned by the meaning of the colourful men and women with the porcelain eyes and the blood-ruby lips*. Оксюморон *his passion cold* подчёркивает абсолютное равнодушие героя. Благодаря фиксации впечатлений персонажа читателю легко понять, что для персонажа мир религиозных образов – это мир неодушевленных предметов, мир кукол, которые не оказывают на него никакого влияния.

В контексте (3) встреча с загадочной девушкой, напротив, оказывает сильное воздействие на персонажа:

(3) *He saw himself in her eyes, suspended in two shining drops of bright water, himself dark and tiny, in fine detail, the lines about his mouth, everything there, as if her eyes were two miraculous bits of violet amber that might capture and hold him intact. Her face, turned to him now, was fragile milk crystal with a soft and constant light in it [3, 6].*

При встрече с девушкой в душе героя что-то перевернулось. Он увидел себя ее глазами, что передало ему ощущение, что эта девушка целиком и полностью понимает, что происходит в его душе. Кроме того, она способна полностью приковать его к себе. Её хрупкое, светящееся лицо внушает Монтагу чувство комфорта.

Внутренний анализ окружающей действительности, в которой оказывается персонаж, помогает ему откорректировать свои действия, поведение, состояния.

В контексте (4) персонаж старается осознать, что происходит вокруг него:

(4) *He looked at his wrist watch and felt his heart beat slowly, saw the second hand of the watch moving with no speed at all, saw the calendar frozen there with its one day seeming for ever, the sun nailed to the sky with no motion towards sunset whatever [2, 179].*

Исходя из контекста (4) можно было бы подумать, что здесь автор-

повествователь описывает действия персонажа, однако, при ближайшем рассмотрении, можно заметить, что это именно персонаж фиксирует для себя то, как происходят события в окружающей его действительности. Стрелка часов застыла, время замерзает (метафора), день растягивается до бесконечности, а солнце метафорически воспринимается как объект, прибитый гвоздями к небу.

В контексте (5) раскаленный летним солнцем город описывается через восприятие героини:

(5) Lavinia heard the old women's door bang and lock, and she drifted on, feeling the warm breath of summer night shimmering off the oven-baked sidewalks. It was like walking on a hard crust of freshly warmed bread. The heat pulsed under your dress, along your legs, with a stealthy and not unpleasant sense of invasion [2, 185].

Ощущение жары передается в контексте (5) при помощи образа печи, которая раскалила тротуары. У героини возникает ощущение, как будто она идет не по дороге, а по корке только что вынутого из печи хлеба. Жара проникает под одежду, охватывает ноги, и вызывает неясные, но приятные чувства.

Очень часто объектом внутреннего анализа персонажа становятся не текущие события, а определенные факты, относящиеся к прошлому, а также сны и игра воображения, то есть то, что в литературоведении описывается как виртуальная реальность [1].

В контексте (6) мы можем проследить, как неприятные воспоминания захватывают героиню при виде определённого человека:

(6) Jennifer was unable to enjoy the show. The sight of Michael Moretti had brought back a flood of fiercely humiliating memories. Jennifer asked Ken to take her home after the first act [7, 150].

Метафора a flood of fiercely humiliating memories показывает, что героиня переносится в иное, виртуальное пространство воспоминаний. В прошлом у Дженнифер была не самая приятная встреча с этим человеком, при виде которого её охватывает чувство гнева и унижения одновременно. Пребывание в одном помещении с ним становится для неё невыносимым, и она вынуждена покинуть спектакль сразу после окончания первого акта.

В контексте (7) героиню охватывают детские воспоминания:

(7) She looked out the window and saw that the sun was getting ready to go down. A superstitious dread settled into her at the thought. She remembered the childhood games of hide-and-seek that had always ended when the shadows joined each other and grew into purple lagoons, that mystic call drifting through the suburban streets of her childhood, talismanic and distant, the high voice of a child announcing suppers that were ready, doors ready to be shut against the night... [5, 162]

При виде заходящего солнца героиню охватил суеверный страх: *A superstitious dread settled into her at the thought*. Но она тут же погружается в детские воспоминания, пытаясь таким образом отгородиться от подкрадывающегося к ней чувства дискомфорта. Героиня внушает себе, что закат казался чем-то тёплым и загадочным. Эпитеты придают красочность создаваемым ею образам: *purple lagoons, that mystic call, talismanic and distant*.

В контексте (8) к герою неожиданно приходит осознание, в какой невыносимой и опасной обстановке он долгое время находился:

(8) I cried because I suddenly realized that I had been walking a white line ever since Jo died, walking straight down the middle of the road. By some miracle, I had been carried

out of harm's way. I had no idea who had done the carrying, but that was all right – it was a question that could wait for another day [4, 237].

Персонаж сравнивает свою жизнь с движением посреди дорог по белой полосе, что представляет определенную долю риска, так как человек может в любой момент быть сбитым летящим на большой скорости автомобилем. Использование здесь абстрактного образа помогает наиболее точно передать ощущения персонажа. Майкл долгое время находился в плену своих переживаний и никак не мог оттуда выбраться. Тоска по погибшей жене лишила его вдохновения и возможности писать. Это приносило ему огромные страдания, он не мог найти себе места. Но вдруг произошло чудо, и какая-то невидимая сила унесла его с опасного пути, и в его душе всё встало на свои места, его жизнь наладилась.

В контексте (9) мы наблюдаем противостояние между здравым смыслом и неприятными воспоминаниями, реальным и виртуальным пространством:

(9) It was this fear that had kept him silent. A year older, he was quite sure that his daddy and mommy wouldn't let him be taken away for thinking a fire hose was a snake, his rational mind was sure of that, but still, when he thought of telling them, that old memory rose up like a stone filling his mouth and blocking words [6, 196].

Персонаж борется с одолевающими его страшными видениями и никак не может решить, рассказать о них родителям или нет. При помощи стилистических приёмов, а именно олицетворения (*his rational mind was sure of that*) и метафорического сравнения (*that old memory rose up like a stone filling his mouth and blocking words*) создаётся образ самостоятельно функционирующего сознания. В первом случае идёт речь о процессе, имеющем место в настоящий момент времени, а во втором воспоминания из прошлого не дают ни одному слову вырваться на свободу.

В контексте (10) создаётся образ сознания, надолго запечатлевшего определённое событие:

(10) (little Jacky now he was little Jacky now dozing and mumbling on a cobwebby camp chair while the furnace roared into hollow life behind him)

...knew exactly how many blows it had been because each soft whump against his mother's body had been engraved on his memory like the irrational swipe of a chisel on stone [6, 224].

О том, насколько сильно поразила героя семейная ссора, говорит использование метафорического сравнения *had been engraved on his memory like the irrational swipe of a chisel on stone*. Чтобы подчеркнуть глубину и прочность рубца в сердце, его сравнивают с глубоким следом, оставленным на камне ударом зубила. Таким образом, подчёркивается неизлечимость полученной душевной раны, которая на протяжении всей жизни будет всплывать в сознании героя.

В контексте (11) создаётся образ воспоминания как принадлежности персонажа:

(11) It was mid-September, most of the summer people were gone, and the crying of the loons on the lake sounded inexpressibly lovely. The sun was going down, and the lake itself had become a still and heatless plate of fire. This is one of the most vivid memories I have, so clear I sometimes feel I could step right into it and live it all again. What things, if any would I do differently? I sometimes wonder about that [4, 21].

Различные стилистические приёмы погружают читателя во внутренний мир персонажа, а именно в мир его воспоминаний. Метафоры, например: *inexpressibly lovely, a still and heatless plate of fire* описывают состояние счастья и покоя, которые царили вокруг. Это самые яркие воспоминания персонажа. Не случайно здесь

используется эпитет в превосходной степени: *one of the most vivid memories*. Метафора *I could step right into it and live it all again* приоткрывает тайное, никому не высказанное желание опять почувствовать себя частью той безмятежной обстановки, прожить её заново.

В контексте (12) персонаж вновь прокручивает в своем сознании событие, сильно поразившее его в детстве:

(12) One time, when he was a child, in a power-failure, his mother had found and lit a last candle and there had been a brief hour of rediscovery, of such illumination that space lost its vast dimensions and drew comfortably around them, and they, mother and son, alone, transformed, hoping that the power might not come on again too soon... [3, 6]

Когда-то давно в городе отключили свет, и мама зажгла последнюю свечу, чей свет вызвал у Монтага не испытанные до этого чувства и ощущения, как будто пространство поменяло свои границы и комфортно сконцентрировалось вокруг них (*space lost its vast dimensions and drew comfortably around them*).

В контексте (13) персонаж также погружается в мир воспоминаний:

(13) And looking at one single label on a jar, he felt himself gone round the calendar to that private day this summer when he had looked at the circling world and found himself at its centre [2, 263].

Надпись на ярлыке бутылки заставляет персонажа вернуться мысленно в тот самый день, когда было сделано вино, и вновь испытать то, что он тогда чувствовал. У него тогда было ощущение, что он чувствует движение мира и, кроме того, находится в самом его центре. Итак, мы можем видеть, что персонаж фиксирует впечатления от окружающих его людей, от окружающей действительности, а также от воспоминаний, снов и других событий виртуальной реальности.

Можно сделать общий вывод о том, явление интроспекции может быть использовано при обучении английскому языку студентов как языковых, так и неязыковых вузов. Информация об интроспекции персонажа англоязычной художественной прозы способствует более глубокому пониманию текста. По нашему мнению, она возрождает интерес студентов к чтению художественной литературы и позволяет им лучше понять мотивацию поступков персонажей, следить за сменой их настроения.

Л и т е р а т у р а :

1. Челикова А. В. Стилистические средства создания виртуальной реальности в немецкоязычной художественной прозе: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Челикова Александра Васильевна. – М., 2001. – 209 с.
2. Bradbury R. Dandelion Wine / Ray Bradbury. – М.: Айрис Пресс, 2005. – 320 с.
3. Bradbury R. Fahrenheit 451 / Ray Bradbury. – СПб: Антология, 2004. – 128 с.
4. King S. Bag of Bones / Stephen King. – N.Y.: Scribner, 1998. – 530 p.
5. King S. Cujo / Stephen King. – N.Y.: A Signet Book, 1982. – 305 p.
6. King S. The Shining / Stephen King. – N.Y.: A Signet Book, 1978. – 448 p.
7. Sheldon S. Rage of Angels / Sydney Sheldon. – N.Y.: Warner Books Edition, 1983. – 605 p.